

Глава 1

Кочевники

Владения склавинов были тучными и богатыми добычей. Вступив сюда, племя Амизака не знало в пути ни голода, ни жажды, ни каких-либо иных напастей. Солнце ходило высоко, холмистая степь цвела пышным цветом, давая обильный корм коням и скоту. Равнины и рощи были полны зверья, реки бурлили от обилия рыбы, никто не преграждал племени путь, не пытался защитить плодородные земли.

Сколоты продвигались вперед беспрепятственно, не встречая сопротивления, — чем дальше, тем все более преисполняясь уверенности в своем праве топтать эти земли копытами. В этом мире все принадлежит тем, кто имеет смелость и силу брать.

Сколоты были бесстрашными и умелыми воинами, и им нечего было терять, кроме жизни. Все свое время они проводили в скитаниях, уменяя весь скарб в повозках и чересседельных сумах. Кожаные одежды и сапоги их не знали сносу, оружия хватало, а все остальное добывалось войной и охотой.

Амизаку было за сорок, но он проделывал долгие переходы в седле, не желая ни в чем уступить молодым

воинам. Проявить слабость — все равно что подставить глотку: нате, режьте, рвите зубами, жрите старого жожака, ставьте нового. Амизак надеялся, что умрет иначе: в бою, во сне, на одной из своих пяти жен, на охоте. Он был опытен и осторожен.

Наружность, осанка и повадки сразу выдавали в нем человека, привыкшего повелевать и подчинять себе других. Среднего роста, с очень прямой спиной и могучей шеей, он сидел на коне так, словно срастался с ним на время скачки. Не случайно греки, впервые увидевшие конных сколотов издали, приняли их за мифических кентавров, полулюдей-полуконей, и потом долго изумлялись, обнаружив, что это были всего лишь всадники, обучавшиеся искусству верховой езды с ранних лет. Словно бы в отместку за свой страх и благоговение перед чужеземцами, они называли их скифами, то есть дикарями, и под этим прозвищем сколоты стали известны миру.

Однако сами себя они скифами не называли и дикими не считали. Не было у них и таких понятий, как народ и государство. Многочисленные племена, перемещавшиеся с юга на север, которые говорили на одном языке, не имели общего правителя, общих границ, интересов и целей. Имелись среди них скотоводы и земледельцы, охотники и рыболовы, завоеватели и кочевники. При этом каждое отдельное племя сочетало в себе все эти характеристики. Та тысяча сколотов, которая шла за Амизаком, и воевала, и гнала с собой стада домашних животных, и, случалось, собирала урожай, когда удавалось захватить распаханное поле и удерживать их достаточно долго.

В последнее время племя продолжало бороздить степь, подаваясь то в одну сторону, то в другую. Примерно раз в три дня Амизак приказывал разбивать стойбище и давал людям отдых, а небольшие отряды кружили поблизости, разведывая пути и обстановку. Пока воины занимались своими делами, ловцы загоняли зверя и таскали рыбу сетями, женщины вялили и коптили добычу, дети плодились, скот пасся и нагуливал жир. Животы и щеки людей округлялись, бока коней раздувались, вымя коз свисало до земли — все были сыты, довольны жизнью и смотрели на Амизака с восхищением.

Когда дозорные приносили весть о встречных путниках или селениях, племя ликовало, предвкушая богатую добычу. Амизак тут же запрыгивал в седло и скакал во главе отряда, потому что знал: сколько ни карай нечистых на руку, а все равно растащат добычу по своим кибиткам и переметным сумам. Также не хотелось Амизаку терять пленников, ибо без него воины столь рьяно рубили мужчин и терзали женщин, что успевали сгубить половину, прежде чем доводили их до стойбища. Вот и теперь, выслушав донесение дозора, вождь сразу же забрался в седло и поскакал вперед, ведя за собой лихую ватагу в полтора десятка мечей.

Конь под ним был черный, лоснящийся, крупный, сразу заметный среди обычных степных лошадок, мохнатых и невзрачных, хотя и проворных. Сидя на своем Вороне, Амизак возвышался над воинами чуть ли не на голову, и ему это нравилось, потому что напоминало всем окружающим, кто здесь хозяин.

Ворон бежал ровно, заранее угадывая норы и бугры в траве и ставя ноги так, чтобы не угодить в скрытые

от глаз ловушки. Сколоты были прекрасными наездниками, однако и кони у них были отменные. Амизак мерно покачивался в седле и подбирался, чтобы облегчать Ворону прыжки через препятствия. За своей спиной он слышал дробный перестук копыт, но один всадник вырвался вперед, нагоняя Амизака. Бросив взгляд через плечо, он увидел рядом того, кого и ожидал увидеть, — Октамиса, которого недавно приблизил к себе за отвагу, удаль и силу. Будь парень постарше, он знал бы, что далеко не первый и даже не десятый такой. Амизак ценил доблестных воинов, однако при этом терпеть не мог, когда кто-то хоть в чем-то превосходил его самого, поэтому со временем избавлялся от любимцев разными способами и под любыми предлогами.

Октамис не замечал этого, но вождь ревниво косился на него всякий раз, когда их кони сближались и начинали идти вровень. Юноше было восемнадцать или того меньше. Родителей он не помнил. Как и многие другие, Октамис был взят в племя мальчишкой, когда родичей его перебили при набеге. Поначалу малец злобился, рычал и скалился, будто волчонок, но со временем обтесался, пообвык, стал неотличим от сколотов и забыл напрочь, что сам был родом из этих краев и принадлежал когда-то к племени склавинов, которых теперь убивал без жалости и считал своими врагами.

Прежнее имя его давным-давно было заменено на новое, он привык быть Октамисом и не задавал лишних вопросов. А вот у Амизака вопросы возникали. Не задумает ли однажды Октамис занять его седло и место в белой войлочной кибитке, вдвое превышающей размеры любой прочей? Не позарится ли на сокровища

своего господина? Не пожелает ли возлечь со всеми его женами, которые холодными ночами согревают лучше всякого костра? Да, сегодня Октамис приближен к Амизаку и является его правой рукой. А что завтра будет? Не вцепится ли эта рука в глотку своему хозяину? Не лучше ли избавиться от Октамиса прямо сейчас, пока он не возмужал и не созрел достаточно, чтобы выступить против вождя?

Останавливали Амизака от немедленной расправы два обстоятельства. Во-первых, таких воинов, как Октамис, надо было еще поискать, а за вождем он был готов идти и в огонь и в воду. Во-вторых, парень не блистал умом, не отличался смекалкой и все его хитрости всегда были шиты белыми нитками. Прикидывая возможности этого простака, Амизак всякий раз говорил себе, что близость его пока что не таит в себе угрозы. На место советника или соратника юноша не претендовал, а как телохранитель не знал себе равных и уже не раз выручал своего вождя из передряг, всегда подоспевая в нужный момент на подмогу.

При всем этом его манера не просто держаться рядом, а еще и забегать вперед раздражала Амизака. Не нравились ему и взгляды, которые бросали женщины на Октамиса. Парень был статный, на полголовы выше самого высокого соплеменника, с безволосой грудью, состоящей из двух мышечных плит, сдвинутых вплотную над узловатыми мускулами живота. Борода у него росла плохо, светлые усишки выдавали юный возраст, поэтому он взял обыкновение брить лицо ножом, на восточный манер. Еще в начале весны старшие товарищи подсмеивались над Октамисом и сравнивали

его с девушкой, но шутки прекратились, когда он пригрозил отрезать язык самому рьяному из насмешников, а потом действительно сделал это, бросил окровавленный комок собакам и спросил, есть ли еще желающие поупражняться в остроумии.

В племени было запрещено убивать соплеменников, но Октамис не нарушил закон и отстоял свою честь, что не могло не вызвать к нему уважения. Только онемевший Корсак таил на него злобу и, возможно, примеривался, как бы незаметно всадить обидчику нож в спину, но пока что не высовывался, дожидаясь боя или другого удобного случая. Амизак прекрасно знал это, однако приструнить Корсака не спешил: всегда полезно иметь при себе враждующих соперников, которых в случае чего можно сравить друг с другом.

Все эти размышления не были такими долгими и связными, как изложено здесь. Как и любой человек, Амизак думал отрывочно, постоянно перескакивая с пятого на десятое. Так называемый мыслительный процесс его мало чем отличался от того состояния, в котором он находился во время сна. Только что ему казалось, будто он размышляет о важных вещах и принимает какие-то решения, но стоило проводнику объявить, что они приближаются к цели, как все эти мысли вылетели из головы, сменившись совершенно другими.

Он пропустил дозорных вперед и поднял правую руку, призывая остальных к предельной осмотрительности. Кони пошли шагом, изредка переходя на мелкую рысь. Отряд пересек ручей в овраге и поднялся по склону к роше, на краю которой были установлены десятка три выдолбленных сосновых стволов, вокруг

которых с гудением роились пчелы. Предосторожности оказались напрасными: бортники сбежали еще до появления сколотов, заметив дозорных, подкрававшихся к пасеке. Охранять хозяйство оставили древнего старика с белой бородой по пояс, рассудив, что спрос с него невелик и обижать его незачем. Выцветшие глазки его смотрели благожелательно и немного бессмысленно, как у ребенка.

Амизак направил к нему людей с расспросами: кто и где обитает в этих краях, велико ли войско у местного правителя и так далее. Пока они расспрашивали бортника, остальные воины разоряли пчелиные жилища, набивая медом рты, сумки и горшки. Чтобы не выдать себя, пчел дымом не травил, и, разъяренные вторжением, они нещадно жалили грабителей. Воздух так и дрожал от их усилившегося гудения.

Одна пчела запуталась у Амизака в бороде, другая ужалила в бровь. Он и Октамис поднялись на пригорок, продуваемый ветром, чтобы наблюдать за происходящим оттуда. Распухший, но веселый воин подвез им в шлеме тающие соты и поспешил обратно, кутаясь в плащ. Прискакал допросчик, сказал, что старик лепечет что-то, но наречие его непонятно, так что толку от него никакого.

— И пчелы его не кусают, — сообщил допросчик. — У меня вон как рожу разнесло, а этому старому хрычу хоть бы что. Мы тут посовещались. Может, его медом намазать и головой в дупло сунуть? Поглядим тогда, какой он заговоренный.

— В дупло не надо, — решил Амизак, — а резать придется. Не то сболтнет своим, что чужие были.

— Пощади старика, вождь, — попросил Октамис.

— Тебе-то что за дело?

— Он и сам вскорости помрет — из него труха сыплется. Нет смысла в его казни. Те, кто его бросил, сами уж давно своих оповещать побежали.

Сказанное было чистой правдой. Именно это обстоятельство разозлило Амизака. Кто любит признавать свои ошибки? Правителю это особенно неприятно.

— Здесь мое слово приказ, — напомнил он ворчливо.

Октамис взглянул на него исподлобья.

— Кто бы спорил, вождь, — произнес он примирительно. — Я же прошу только. Решать тебе.

— Жалко деда стало?

— Выходит, что так.

— Сердце у тебя чересчур мягкое, — сунув в рот сочащийся желтый воск, Амизак пожевал и добавил, усмехнувшись: — Как мед.

— Но не такое сладкое, — засмеялся Октамис.

Вождь тоже не удержался от улыбки и махнул гонцу, чтобы старика оставили в покое.

— Где же селение искать? — пробормотал он после того, как облизал пальцы и запил приторную сладость водой из поданной баклаги. — Нельзя медлить. Непременно нужно опередить пчеловодов, чтобы враг приготовиться не успел.

— Селение рядом должно быть, — прикинул Октамис. — Иначе куда мед возить? Не для себя же они пчел развели.

— Правильно мыслишь, — одобрительно кивнул Амизак. — Но в какую сторону податься? — он при-

щурился. — Тут три тропы проложено. По которой поедем?

— Двинемся по той, где колеи от колес проложены. Отправь людей помет искать, вождь. Где свежее, там вернее.

— Твоя правда, — кивнул Амизак, подбирая поводья. — Вот ты и ищи лошадиное дерьмо. Не все ж тебе медком баловаться. Давай, давай, парень, пошевеливайся, хватит прохлаждаться.

Октамис вздрогнул, точно его холодной водой окатили, настолько резкой была смена тона. Насупившись, он ударил ногами коня и отправился выполнять приказ. Амизак провожал его пристальным взглядом. От его глаз не укрылось, как изменилось лицо юноши, когда ему было велено искать лошадиный помет. Избаловался, возомнил себя важным человеком. Гордыню его надобно ломать, пока не поздно. Незаменимых рядом с вождем не бывает. Амизак подбоченился в седле.

Воины, вволю наевшиеся меду, покидали разоренную пасеку, гогоча и отмахиваясь от преследующих их пчел. Укусы редко достигали цели. Одежды воинов были кожаные, рукава они носили длинные, штаны заправляли в сапоги, а головы их были покрыты островерхими шлемами и густыми волосами. Если кто и пострадал от пчелиных жал, так это кони, нервно приплясывающие под всадниками, шелкающие зубами, мотающие головами и обмахивающие себя хвостами.

— Манхай! — окликнул Амизак. — Лети стрелой за войском, догоняйте нас. Мы туда подадимся, — он кивнул на Октамиса, подающего призывные знаки. — По следу нас найдете.

С этими словами Амизак припустил к подножию холма, да так резво, что походный плащ взвился за его спиной. Чтобы не кувырнуться через голову, он погнал коня не прямо вниз, а вдоль склона, интуитивно выбирая направление и скорость рыси. Он был прирожденным всадником. Как и все, кто скакал за ним.

Половину жизни мужчины проводили в седле. Возможно, они плохо разбирались в земледелии и строительстве, зато с детства принимали участие в охоте и сражениях. Первое очень способствовало второму. Загоняя табуны лошадей и антилоп, скототы не только совершенствовались в верховой езде, но также приучались незаметно подкрадываться к добыче и действовать слаженно, руководствуясь командами, приходившими издалека. Для этого существовала целая система знаков, подаваемых с помощью рогов и знамен. В бою и охоте каждый прислушивался и ловил взглядом поднятое древко, по сигналу которого предстояло действовать.

Октамис не только в совершенстве владел этими приемами, но и с ранних лет был обучен читать следы и свободно, как в стойбище, ориентироваться в степи. Он почувствовал близость селения задолго до того, как оно предстало его взору. Под вечер пропали, будто сквозь землю провалились, обычные обитатели степи: перестали выскакивать из-под копыт куропатки и зайцы, исчезли из виду стада, перемещающиеся по равнине. Через некоторое время, когда закатное зарево охватило небо, чуткие ноздри Октамиса уловили запахи дыма, пищи и отбросов. И вот уже он придерживает поводья, переводя своего Ястреба на шаг.